

Творческий клуб

Выпуск
№ 7

«Земляки»

Наталья
ПРЕСНЯКОВА

Мне не стыдно стоять на коленях,
поверьте,
там, где травы сгорели
когда-то в войну.
Где прощальное слово солдата
в конверте
до сих пор так тревожит и мать,
и жену.
Мне не стыдно склониться,
читая молитву,
за ребят,
что сейчас погибают в бою.
Если б взяли меня,
я пошла бы на битву,
за детей жизнь отдать
мне не жалко свою.
Мне не стыдно быть русской,
хоть я – украинка,
родилась в довоенном донецком
краю...
Брянский край пишу на карте
только крупинка,
подарил он мне веру
в большую семью.
Мне не стыдно просить
за Россию, о, Боже:
каждый раз возрождалась
из пепла она.
Пусть душою своей
на других не похожа,
но за это давно
заплатила сполна.
...Мне не стыдно стоять
на коленях у храма.
Я молитву прочту за спасенье
страны:
«...Ты позволишь нам, Господь,
пронести твоё знамя,
мы Тебе и России все так же
верны!»
(г. Трубчевск, Брянская обл.)

Лев
БАСКИН

ЯСНАЯ МЫСЛЬ

В добром здравии и при силе,
Мыслью ясной делиться рад,
Наша жизнь состоит из усилий,
А за Всевышним
всегда результат.
(г. Спасск-Дальний,
Приморский край)

Василий
ГАВРИЛЕНКО

Проснуться – и не помнить сна,
Как будто с этим сном родиться.
Зачем я помню эти лица?
Пейзаж, растущий из окна,
Довольно грустный и суровый,
Как непрощедшая война?
Но – поднатужиться, забиться
И сбросить то,
что враз не сбросили:
Душа и память, словно птицы,
Бегущие из плена осени.
(г. Брянск)

Николай
БУШЕНЕВ

ПРОЛОГ ЗИМЫ

Уже и ночь по-зимнему ясна.
И холодна. И полная луна
Выводит звёзд
сверкающую стаю.
Искрится иней, звёзды повторив,
На жидких ветках облетевших ив,
На серых брёвнях
древнего сарая.
И на земле иглистый иней лёг.
Он, как зимы
торжественный пролог,
Незамутнённо, радостно лучится.
Вот-вот и снег
повалит без конца.
И запрягу я в сани жеребца,
И он, храпя взволнованно,
помчится...
(г. Череповец, Вологодская обл.)

Константин ПОПОВ

ПЕЙЗАЖ
В ПАРКЕ

Желтый кленовый лист, совершая немислимые пируэты, спланировал откуда-то сверху на аллею парка. Рядом упал второй. Человек в плаще и примятой шляпе, ступая по опавшим листьям, шел вдоль старых кленов, посаженных еще в те годы, когда ни его, ни других нынешних горожан еще не было на свете.

Парк был достопримечательностью города. Небольшой и уютный, окруженный решетчатой высокой оградой, он придавал неповторимое очарование окружающей одноэтажной деревянной застройке. Высокие кроны деревьев образовывали некий центр, куда во всякое время года стремились попасть и дети, и взрослые. Несмотря на то, что со временем здесь установили несколько аттракционов, сохранилось небольшое число тихих уголков, которые любил посещать в выходные дни Модест Афанасьевич Кусков, местный художник, известный почитатель и выразитель идей импрессионизма.

Слыл он большим знатоком живописи, даже собрал небольшую коллекцию картин, которые по случаю приобретал в столичных салонах или ему их дарили коллеги по искусству.

Когда-то Кусков сам часто приходил в городской парк, чтобы написать здесь пару этюдов, но со временем чувство новизны от общения с природой у него притупилось и он предпочитал больше работать дома, тем более опыта и фантазии ему было не занимать. В свое время он считался среди городских художников новатором в искусстве, и его лихие, как однажды выразился его товарищ по кисти Иван Красиков, шедевры вызывали ажиотаж на местных вернисажах. Даже появились последователи среди молодых художников, подражающих ему, и на выставках порой трудно было отличить подлинного Кускова от «ненастоящего». Впрочем, он был довольно равнодушен к славе и его не прельщали хвалебные отзывы.

Хотя однажды приезжий столичный искусствовед довольно едко прошелся в своей обзорной статье по творчеству Модеста Кускова, назвав его оторванным от реальности мазней. Тот сначала обиделся, но затем пришел к выводу, что на вкус и цвет товарищей нет, на том и похерил ту писанину. Тем более у него нашлось много защитников.

Потом социалистический реализм куда-то исчез, а вместе с ним был потерян интерес и к разным «измам» на местном уровне. Выставки тоже стало некому проводить. Кусков замкнулся, писать стал редко, а тем более выставляться. Но вот эти прогулки в парке по-прежнему доставляли ему удовольствие.

Пройдя пару раз туда и обратно по центральной аллее Модест Афанасьевич заметил сбоку среди деревьев одинокую фигуру. Он сразу отметил необычность ее движения, точнее стояния, в отличие от несуетливо прогуливающихся за всегдатаев. Присмотревшись, узнал знакомый наклон над мольбертом собрата художника и пошел в этом направлении.

Это была девушка в свитере и берете. Перед ней, на краю дорожки, стоял этюдник с прикрепленным холстом на подрамнике. На нем уже были видны очертания осеннего пейзажа, намечены стволы деревьев и наложен первый тон ковра упавших листьев. Она аккуратно наносила кистью маленькие мазочки, стараясь точно передать все детали природы.

Девушка заметила Кускова и узнала его. Взяв кисти в руку и отложив палитру, повернулась в его сторону.

– Здравствуйте, Модест Афанасьевич.
– Приветствуйте молодое поколение, – шутило ответил ей Кусков.

– Вот, выбралась на природу.
– Похвально, – заметил мэтр. – Какими путями и откуда?

– Решила вспомнить прошлое, когда-то закончила здесь художественную школу. Помню, как вы у нас выступали...

– Значит, не совсем любительница, – приободрил ее Кусков.

– К сожалению, работаю не по этому профилю, но иногда пишу для себя, когда свободное время.

– Ну что ж, продолжайте, успехов, – Кусков уже собрался возобновить свой прерванный променад, но девушка снова обратилась к нему:

– Может быть покажете, как нужно правильно

работать на натуре?

У Кускова приятно засосало под ложечкой, тайная сила притяжения кисти и красок неожиданно взыграла в нем. Постояв в небольшом раздумье, он снял плащ и аккуратно сложил его на траве. Затем, потеряв ладони друг о друга, подошел к этюднику и попросил дать ему в руки кисти. Выбрав самые большие, начал выдавливать из тюбиков на палитру краску.

– А вас как зовут, – не отрываясь от этой работы произнес Кусков.

– Светлана, можно просто Света, – ответила та.

– Ну вот и хорошо, считайте познакомились, – он мастихином соскоблил с холста все, что было там положено до него и начал смешивать новые краски.

Девушка зачарованно смотрела на его священнодействие. Тот, смело набрав на кисть нужный цвет, положил громадный рыжий мазок поверх следов предыдущего изображения. За ним последовали другие и вскоре вся поверхность холста представляла собой искрящуюся переливами многослойную рельефную фактуру.

По мере того как его работа подходила к концу, менялось лицо его собеседницы. Сначала она молчаливо вглядывалась в мелькание кисти художника, затем оно вытанулось в скорбное выражение.

– Ну вот, вроде и можно заканчивать, – удовлетворенно произнес Кусков, вытирая кисти тряпочкой, лежавшей рядом с палитрой.

Он только сейчас заметил, что вокруг собралось несколько человек, с интересом и любопытством наблюдавших за работой художника. Согладалась тот никогда не избегал и не боялся, в своем мастерстве был уверен и смело отстаивал собственные взгляды на любые возражения. Но все вокруг молчали.

Молча стояла и Светлана.

Передав ей кисти и отойдя от холста, он поправил шляпу и удовлетворенно хмыкнул, затем поднял с земли плащ. Но не стал его одевать, а повесил на руку и, попрощавшись с художницей, двинулся дальше по аллее, надеясь еще некоторое время провести в парке.

Посмотрев вслед удаляющейся фигуре Кускова, девушка подошла к этюднику и начала его складывать. Снятый холст прислонила к дереву и стала собирать сама.

– Мама, а почему тетя плачет, – услышала она детский голос, внезапно раздавшийся рядом.



«Осенний пленэр». Фото Александра КУЛЕШОВА (г. Новозыбков)

Проходившая мимо семейная пара с ребенком участливо подошли к ней.

– Не обращайтесь внимания, это я так, – произнесла девушка, размазывая по щекам слезы. – Сейчас пойду.

Накинув ремень этюдника на плечо, она медленно пошла в сторону выхода из парка.

– Вы свою картину забыли, – раздалась за её спиной.

– Это не моя, – произнесла девушка, – возьмите ее себе.

Выходя из парка после заключительного прохода по главной аллее, Модест Афанасьевич вдалеке на улице снова увидел уже удаляющуюся в противоположном направлении знакомую фигурку. «Растет молодежь, – подумал он, – жаль, нет у неё нашей хватки и умений. Но ничего, опыт – дело наживное», – и бодро повернувшись, размеренно направился к ближайшей остановке автобуса.
(г. Новозыбков)

Виталий
ЗИНЧЕНКО

ЛИСТОПАД

Отговорил октябрь, отговорил.
Уже капризно лист роняет ива.
И всё вокруг торжественно красиво,
Глаз оторвать ну просто нету сил.
Становится природа огневой,
Одевшись в разноцветье листопада.
Рассыпав всюду серебро и золото
Своей раскрепощенной листвой.
Такое царство осени манит,
Своею тихой красотой чарует:
Вот листья гладь пруда
слегка целуют,
И паутинка лёгкая летит.
Уже и солнце светит не паля,
Река к себе не манит синевую.
Как хорошо,
шурша сухой листвою,
Бродить в лесу в прохладе октября.
Бродить и видеть
твой зелёный взгляд,
Почувствовать
твоё прикосновение.
Остановить
прекрасное мгновение,
Уйдя в неторопливый листопад...
(г. Слуцк, Белоруссия)

Людмила
БАРИНОВА

ХРИЗАНТЕМЫ

Всё пусто, голо, веток хруст.
В саду покой и запустение.
И только хризантемы куст
Цветёт, цветёт на удивление!
Привет прощальный ноябрю,
Искрится нежными цветами,
И солнышко его
приветствует лучами,
Тепло последнее ему дая.
Печален сад без листьев,
тих и пуст,
Тоску холодный ветер навеивает,
Но тут любимый хризантемы куст
Теплом и радостью мне сердце
наполняет.
(г. Смоленск)

Алексей
КРАЕВОЙ

Я повторяю вновь и вновь:
Надежда, вера и любовь!
Три ипостаси святы эти.
Нет ничего милей на свете.
(г. Новозыбков)

Александр
МЕЛЬНИКОВ

Где туманы синие и трава в росе,
Говорила тихо ты что-то о себе.
Сочиняла видимо,
на меня смотря,
Ты хотела жалости, ты ее нашла.
Поседали локоны,
бесконечна грусть,
Трудно в одиночестве –
спорить не берусь.
Прикоснусь ладонями
к волосам твоим,
Кружится как облако
сигареты дым.
Где-то правда спрятана,
может быть в вине,
На двоих не делится,
что осталось мне.
И туманом скрытые слезы
на глазах,
Кем-то позабывшие –
смелые в словах.
Вот туман разветвев,
высохнет слеза –
Может все изменится,
станет как тогда.
И внезапной жалости скроются
слезы,
И трава распрямится,
где встречались мы.
(г. Таллин, Эстония)